

Власова Марина Владимировна

ПИСАТЕЛЬ/УЧИТЕЛЬ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XVIII - СЕРЕДИНЫ XIX ВВ.

В статье раскрывается специфика педагогического дискурса русской литературы, образа учителя в творчестве Д. И. Фонвизина, А. С. Пушкина, И. С. Тургенева. Феномен учительности русской литературы осмысливается в коммуникативном аспекте, через проблему общения "учитель - ученик".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2011/2/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (9). С. 41-43. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2011/2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

5. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1986.
6. Сидоров Е. В. Онтология дискурса. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
7. Тарасов Е. Ф. Тенденция развития психолингвистики. М.: Наука, 1987.
8. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Политиздат, 1991.
9. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.
10. Хованская З. И. Принципы анализа художественной речи и литературного произведения. Саратов, 1975.
11. Щедровицкий Г. П. Смысл и значение // Проблемы семантики. М.: Наука, 1974.

JUDGMENT TEXT AS THE ELEMENT OF SPEECH ACTIVITY AND COMMUNICATION: SYSTEM-ACTION APPROACH

Sergei Vyacheslavovich Vinnik, Ph. D. in Philology
Department of English as the Second Language
Military University of Ministry of Defense of the Russian Federation
sergey_vinnik@list.ru

The article reveals the place of judgment text as the element of speech activity and communication with system-action approach application. Special attention is paid to the role of the text type "judgment" as speech communication act in language activity.

Key words and phrases: judgment; text type; system-action approach; addresser; addressee; communicant; speech production.

УДК 821.161

В статье раскрывается специфика педагогического дискурса русской литературы, образа учителя в творчестве Д. И. Фонвизина, А. С. Пушкина, И. С. Тургенева. Феномен учительности русской литературы осмысливается в коммуникативном аспекте, через проблему общения «учитель - ученик».

Ключевые слова и фразы: образ учителя; педагогическая коммуникация; русская литература.

Марина Владимировна Власова, к. филол. н.

Кафедра иностранных языков

Институт природных ресурсов

Томский политехнический университет

MarinaVlasova2@mail.ru

ПИСАТЕЛЬ/УЧИТЕЛЬ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XVIII - СЕРЕДИНЫ XIX ВВ. ©

Учительность, нравственно-эстетическая направленность, воспитательная установка формируют отличный коммуникативный феномен русской литературы, литературы, воспитывающей своего читателя.

Интерес к «учительному пафосу» русской литературы, вопросам коммуникации и рецепции обращает особое внимание на образ учителя. Системное изучение образа учителя в русской литературе конца XVIII - середины XIX вв. показывает, что образ учителя описан не только в контексте религиозно-учительных традиций, в русской литературе существует специальный дискурс, в котором фокусируется внимание на профессиональном учителе.

В творчестве Д. И. Фонвизина положено начало бинарной типологии учителей: «высокий» тип учителя - наставник, декларирующий слово-истину ученику и «низкий» тип учителя - учитель-самозванец, псевдогувернер.

«Правом на речь», умением владеть словом наделяется «высокий» тип учителя, которому принадлежит центральная роль в системе персонажей. Красноречивое коммуникативное поведение наставника (Стародум, Правдин, Нельстецов) становится средством педагогического воздействия, изменения, преобразования окружающей действительности. Общим признаком «низкого» типа учителя (Вральман «Недоросль», Пеликан «Выбор гувернера») является коммуникативная некомпетентность, комичное речевое поведение, скудный речевой репертуар.

Творчество Фонвизина является наглядным примером нераздельности учительности и литературности, что отражает специфику не только поэтики комедии, но коммуникативного стиля эпохи, «в границах XVIII века учительность не противостояла художественности, но отчасти и была ею? В «поучающей» позиции и наставительном слове сквозила особая духовная красота, особая, пленительная вершинность личности» [1, с. 69]. Литературное наследие Фонвизина можно рассматривать как текст о воспитании, ориентированный на ученическую позицию читателя.

Обращение к творчеству А. С. Пушкина открывает новые принципиально важные моменты динамики образа учителя. Продолжая фонвизинскую сатирическую традицию самозванства («Дубровский»), Пушкин создает особый тип «низкого» учителя (дядьки, дячки, няни), который, становится носителем глубоких душевных качеств, духовных традиций народа. В образах няни, мамки, дядьки проявилась сильная национальная составляющая педагогического дискурса русской литературы. Литература берет на себя функцию формирования русского национального самосознания. В образе учителя-самозванца происходит комическое снижение не только конкретного персонажа, но господствующего представления о престижности обучения у иностранного учителя.

Пушкин предлагает свою концепцию воспитания, где решающее значение приобретает «педагогика жизни» («Капитанская дочка»), взросление сопряжено с трудностями, при преодолении которых усваиваются истинные ценности.

В творчестве И. С. Тургенева учитель-наставник появляется в паре с учителем по статусу. Парный принцип создания образов учителей (Рудин и Басистов в романе «Рудин», Беляев и г-н Шааф в пьесе «Месяц в деревне») заслуживает особого внимания. Духовный наставник (Рудин) занят поиском путей изменения жизни, его слова потрясают, это харизматичная личность, наделенная культурно-значимым поведением, способностью говорить красноречиво, вдохновенно. Учитель по статусу выступает в роли слушателя, он простой практик, но способный к деятельной кооперации. И если духовный наставник слишком увлечен «идеями» и самовыражением, учитель по статусу стремится к диалогу, проявляет неподдельный интерес, содействие, понимание (Беляев и Коля в пьесе «Месяц в деревне»). В деятельном, заинтересованном поведении учителя, его диалогической позиции Тургенев видит залог оптимальной педагогической коммуникации.

Собеседование «учитель - ученик» в художественном мире Тургенева происходит не только посредством слов, писатель исследует природу невербальной педагогической коммуникации. Невербальное общение зачастую замещает речевое, является важной характеристикой коммуникативного облика героя («Дворянское гнездо», «Странная история»), приобретает семиотическую значимость, становясь символом контактности.

Истинное общение в романе «Дворянское гнездо» достигается через невербальную коммуникацию. «Выразительная» мелодия Лемма становится отражением не только высоких устремлений музыканта, но и его диалогом с Лизой и Лаврецким. Молчаливый, замкнутый, угрюмый Лемм «преображается» в разговорах со своей ученицей Лизой. И не столько усидчивость и ученические способности Лизы, сколько теплые отношения, доверие, понимание, доброта, стремление понять человека другой культуры делают Лизу самой лучшей ученицей Лемма.

В позднем творчестве Тургенева в общении «учитель - ученик» появляется нечто таинственное, непостижимое, невыразимое («Странная история»).

В русской литературе середины XIX века складывается особая традиция в осмыслении образа учителя, особое внимание уделяется проблеме гармоничных отношений, духовного становления. Остро ставится проблема внутренней потребности в наставнике. В женских образах писатель подчеркивает такие свойства русского женского характера, как тяга к ученичеству, устремленность к духовности, готовность к самоотречению, решимость, категоричность. Характер «ученицы» раскрывается в поиске наставника, «духовного» учителя, общение с которым осуществляется на невербальном уровне. Тургенев раскрыл важную составляющую внутреннего мира человека - бессознательную и вечную потребность в учителе.

Интерес Тургенева к актуальным социально-историческим реалиям расширяет содержательный диапазон темы учительства в его творчестве. Раскрывая проблему индивидуалистического революционно-демократического и соборного национального сознания, Тургенев показывает сложную диалектику образа народа. Народ - это и ученик, и учитель для русской интеллигенции. Пропагандирование и учительская деятельность втягиваются в единую сферу авторских размышлений. Наставничество становится сферой самореализации персонажей, связано с социально-идеологическим, духовно-нравственным поиском.

В романе «Новь» Нежданов проявляет себя как превосходный учитель-профессионал. Герой-учитель размышляет о своей профессиональной принадлежности, компетентности. «Какой я учитель! - приходило ему в голову, - какой педагог?!» Он готов был упрекнуть себя в том, что принял обязанность преподавателя. А между тем подобный упрек был несправедлив. Нежданов обладал достаточными сведениями - и, несмотря на его неровный нрав, дети шли к нему без принуждения и он сам легко привязывался к ним» [2, с. 156]. Однако Нежданов терпит крах в роли пропагандиста, народного просветителя и наставника. «Оказывается, что когда я с народом. Я все только прикиваю да прислушиваюсь, а коли придется самому что сказать - из рук вон!» [Там же, с. 325]. Хожение Нежданова в народ описано как театральное действие, «водевиль с переодеванием» [Там же, с. 319]. «Сам чувствую, что не гожеус. Точно скверный актер в чужой роли» [Там же]. Он чувствует неуместность своего присутствия в народной среде и вскоре осознает, что занимает позицию ученика и наблюдателя. «... Нежданов старался также сблизиться с крестьянами, но вскоре заметил, что он просто изучает их, насколько хватало наблюдательности, а вовсе не пропагандирует!» [Там же, с. 213]. Пропагандист не верит в свое «дело», адресат не понимает намерений говорящего и смысл сказанного, как если бы он говорил на другом языке. «Иные мужики глядели на него с изумлением; другие шли дальше, мимо, не обращая внимания на его возгласы: они принимали его за пьяного; один - так даже, придя домой, рассказывал, что ему навстречу француз попался, который кричал «непонятно таково, картаво» [Там же, с. 338]. Противоречия содержатся не в логике высказывания, а в неумении проявить искреннюю убежденность. Нежданов размышляет в письме к другу Силину: «Уверяют, что нужно сперва выучиться языку народа, узнать его обычаи и нравы... Вздор! вздор! вздор! Нужно верить в то, что говоришь, - а говори, как хочешь!» [Там же, с. 326].

В образе учителя Тургенев воплощает не только исторически и национально обусловленный тип коммуникативного поведения, но и свою концепцию человека и бытия, которая заключается в понимании ограниченности каких-либо «идей» и идеалов, загадочности, многообразия жизни.

Отдавая приоритет духовному наставнику, русская литература ставит проблему учительского слова как речедействия. Приравнивание слова действию (Фонвизин) сменяется изображением несоответствия между словом и делом (Тургенев) как личной трагедии героя и ведет к рефлексии писателей о силе слова.

Идеальная педагогическая коммуникация раскрывается не только как способность передать знания, но и как способность воспринимать и понимать «другого», необходимо личностное усилие, вовлеченность в диалог, движение навстречу друг другу.

Искомый педагогический идеал с точки зрения русской литературы состоит в преодолении разлада между словом и делом, чувствами и фактами, внутренним «Я» и «Я» Другого. Русская литература ставит под сомнение эффективность рассудочного слова, факта, раскрывая особое понимание функций слова - вызвать личное сопереживание.

Художественное слово перформативно, авторитетно, однако автор не диктует свой фиксированный набор знаний и вступает в свободный творческий диалог с читателем. Писатель-моралист изживает себя. Находясь в постоянном поиске смыслов в диалогическом пространстве художественного текста, читатель ведет непрерывную «работу».

С точки зрения русской литературы середины XIX века преобладание иррационального, эмоционального, диалогического в коммуникации «учитель - ученик», «автор - читатель» представляется наиболее продуктивной моделью трансляции смысла, передачи информации. В этом смысле русская литература предлагает свое художественное «решение»: поэтика диалога учительного и художественного слова.

Список литературы

1. Вайман С. Т. Драматургический диалог. М.: Едиториал УРСС, 2003. 208 с.
2. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1978. Т. 9.

WRITER/TEACHER IN RUSSIAN LITERATURE OF THE END OF THE XVIIITH - THE MIDDLE OF THE XIXTH CENTURY

Marina Vladimirovna Vlasova, Ph. D. in Philology

Department of Foreign Languages

Institute of Natural Resources

Tomsk Polytechnic University

MarinaVlasova2@mail.ru

The article reveals the specificity of the pedagogical discourse of the Russian literature, of a teacher's image in creative works of D. I. Fonvizin, A. S. Pushkin, I. S. Turgenev. Instructiveness phenomenon of Russian literature is comprehended in communicative aspect, through the problem of the communication "teacher - pupil".

Key words and phrases: teacher's image; pedagogical communication; Russian literature.

УДК 81'42

Статья посвящена использованию в дискурсе неартикулируемых звуков, которые являются способом аудиализации эмоций и их непосредственным выражением. К неартикулируемым эмоциональным реакциям относятся невербальные реакции, в которых задействован голос (смех, плач, возгласы, вздохи, покашливание и т.п.), выдающие эмоциональное состояние человека и отражающие его психофизиологические реакции.

Ключевые слова и фразы: паралингвистика; коммуникация; нефонематические звуки; голосовые сигналы; аудиализация эмоций; невербальные коды.

Татьяна Михайловна Власова, к. филол. н., доцент

Кафедра иностранных языков

Дальневосточный федеральный университет

Vlasova@vito.dvfu.ru

Мария Борисовна Дюжева, к. филол. н., доцент

Кафедра английского языка

Российско-американский факультет

Дальневосточный федеральный университет

reginald@phil.dvfu.ru

НЕФОНЕМАТИЧЕСКИЕ ЗВУКИ КАК ЭЛЕМЕНТ ПАРАЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА ©

Лингвистов интересуют не только те смыслы, которые могут передаваться средствами языка. Язык обычно прямо выражает только мысль, в то время как непосредственное выражение чувств и восприятия осуществля-